

УТОПИЯ КАК АНТИУТОПИЯ

«ГОРОД СОЛНЦА»

Томмазо Кампанелла
в перспективе III тысячелетия

Аннотация: В статье показаны характеристики утопического сознания, которое исходя из недостатков реальности, предлагает проект идеального будущего, и пути его реализации. Однако, анализ возможного воплощения демонстрирует неотвратимое превращение утопии в антиутопию. Статья анализирует одну из самых известных и популярных утопий XVII в. «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы с перспективы III тысячелетия, и показывает тоталитарность этой и любой другой утопии, которая неизбежно превращает человека в деталь гигантской машины, навязывая ему рай, в который большинство идти не желает. Такому подходу противопоставляется образ идеального мира Библии, который неопишем человеческим языком, и путь в который лежит только через перерождение человека.

Ключевые слова: *утопия, антиутопия, город Солнца, Томмазо Кампанелла, тоталитаризм*

Abstract: The article shows the characteristics of utopian consciousness, which, based on the shortcomings of reality, proposes a project for an ideal future, and ways of its implementation. However, the analysis of possible embodiment demonstrates the inevitable transformation of utopia into dystopia. The article analyzes one of the most famous and popular utopias of the 17th century. «The City of the Sun» by Tommaso Campanella from the perspective of the III millennium, and shows the totalitarianism of this and any other utopia, which inevitably turns a person into a part of a gigantic machine, imposing a paradise on him, into which most do not want to go. This approach is contrasted with the image of the ideal world showing in the Bible, which is indescribable in human language, and the path to which lies only through human rebirth.

Keywords: *utopia, dystopia, city of the sun, Tommaso Campanella, totalitarianism*

Сергей Викторович Санников, доктор богословия, доктор философских наук, пастор, доцент ОБС. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5549-9820>

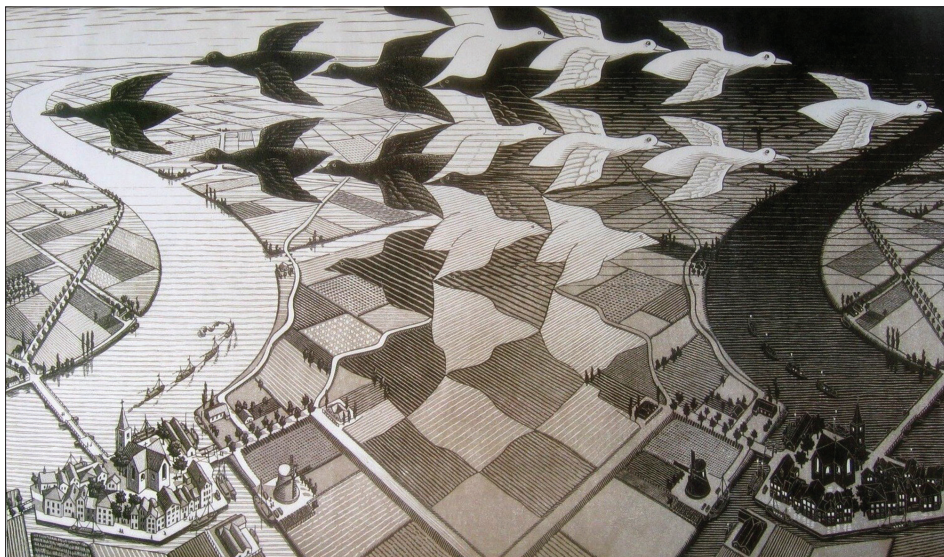
Человек, в отличие от животных способен мечтать и наделен воображением. Воображением он может создавать несуществующую реальность, которая по отношению к действительности формирует диалектическое напряжение, часто превращающее воображаемое в реальное. Это делает фантазии и мечтания мощным инструментом развития. Другими словами, мечты способны осуществляться и иногда это хорошо как для самого человека, так и для человеческого сообщества, но довольно часто (а возможно даже чаще) осуществленные мечты приносят горе, разочарование и беды. Это значит, что среди множества типов воображения несуществующей реальности, есть некоторые, к которым надо относиться с осторожностью. В настоящей статье речь пойдет об утопиях и антиутопиях, которые традиционно воспринимались как определенные литературные жанры, но на самом деле они представляют собой глобальные мировоззренческие и социально-политические явления.

Понятие «утопия» произошло от названия одноименного сочинения Томаса Мора, написанного в 1516 г. где он описывает среди новооткрытых земель, остров Утопию, жители которого создали идеальный тип общества. После «Утопии» появляется множество сочинений подобного рода. «Город Солнца», написанный доминиканским монахом Томмазой Кампанеллой ок. 1602 г. явился наиболее популярным и ярким выражением утопических идей в религиозном дискурсе.

Утопическое мышление характерно тем, что автор помещает в прошлом, в будущем или в отдаленном пространстве, модель наилучшего, с его точки зрения, государственного устройства, отталкиваясь от несовершенств современного ему общества. Так, словарное определение утопии — это «социальный проект идеального будущего, резко отличающийся от наличной реальности и противопоставленный ей»^[1]. Другими словами, в обиходной речи понятие утопия стало отождествляться с чем-то нереальным, несбыточным, но хорошим и желанным. С жанровой точки зрения это безусловно так, но с социологической перспективы, утопия чаще всего представляла собой тщательно продуманный проект, который предполагалось воплотить в той или иной степени. К городу Солнца это относится, возможно в большей степени, чем к другим утопиям. Не напрасно это сочинение обрело большую популярность с середины XIX века в контексте социал-демократических и коммунистических движений.

Мечты о светлом будущем во все времена волновали людей, где бы они не жили. Они коренятся в подсознательной коллективной памяти о потерянном рае в сравнении с настоящей греховной действительностью. В простонародном сознании и у многих литераторов эти мечты принимали форму мифов, сказок, современных фэнтези. Этот тип литературы похож на утопии, но отличается от них своей принципиальной нереальностью. Сказочники или авторы мифов никогда не претендовали на то, чтобы их

^[1] «Утопия», в *Опыт словаря нового мышления* (М.: Прогресс, 1989 г.), 242.

«День и ночь». Мауриц Корнелис Эшер, 1938

описания были воплощены в действительность. Как бы реалистично они не описывали мифологическую действительность, их задача заключалась только в том, чтобы через убедительные художественные образы подать определенные моральные принципы. Например, даже максимально убедительно и реалистично прописанный мир Толкена не предполагал его реального воплощения. Утопии в отличие от мифов, также предлагая картины идеального мира, все же призывали в явной или неявной форме к их воплощению. Модель утопического мира выступала в некотором смысле маяком для преобразований мира существующего.

Авторитетный социолог К. Мангейм считает утопическим сознанием «лишь ту ”трансцендентную по отношению к действительности” ориентацию, которая, преобразуясь в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей»^[2]. Он указывает, что реализованные (или реализующиеся) утопии превращаются в идеологии, которые, так же как и утопии трансцендентны бытию, но в отличие от утопий не ориентированы на реализацию, а представляют собой только бессмысленные, но гипнотизирующие лозунги и призывы, создающие ощущения движения к благородной цели. Идеальный пример попытки воплотить утопию, осознание ее невозможности и превращения утопии в утопическую идеологию демонстрируют первые 5-7 лет деятельности большевистского правительства России после октябрьского переворота 1917 г. Это прекрасно показал Михаил Хеллер в работе «Утопия в советской идеологии». Он пишет, что свою программу «строительства утопии-коммунизма Ленин сформулировал четко и лаконично: «В начале 1918 г. мы [...] решили произвести непосредственный переход к коммунистиче-

^[2] В А Чаликова, ред., *Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы: Пер. с англ., нем., фр. и др. яз* (М.: Прогресс, 1991), 113

скому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»^[3]. Через три года стало ясно, что эта программа не работает и мешают ее осуществлению обитатели «великолепного здания социализма», которые упорно сопротивлялись жизни в счастливой утопии. Тогда Ленин рекомендовал наркому просвещения Луначарскому широко распространять утопические идеи в виде лозунгов «монументальной пропаганды». Например, «Мы не рабы, рабы не мы» «Народ и партия едины» и т.д. Утопия не могла воплотиться в реальность. Она стремительно превращалась в реализованную

антиутопию, но она должна была остаться прекрасной мечтой в виде бессмысленных, но ярких и простых лозунгов.

Антиутопии фактически существовали всегда, также как и сами утопии. Любой жанр вызывает к жизни антижанр. Утопии не исключения. Если их задача нарисовать место и состояние, где все очень хорошо, то антиутопии (или дистопии — букв. плохое место) описывают их зеркальное отражение — место и состояние, где все очень плохо, хотя некоторые авторы называют антиутопией пародию на утопию^[4]. Антиутопии стали массово появляться в XX в. после Второй мировой войны, а в начале III тысячелетия стали одним из самых модных жанров кинематографа, литературы, живописи и др. видов искусств. Этому способствует общее состояние общества постмодернизма, разочаровавшегося в науке и в построении идеальных социальных систем и видевшего последствия тоталитарных структур в СССР и Германии. Научный консультант мемориала «Яд Вашем» в Израиле, профессор Иегуда Бауэр предупреждает: «Мы никогда не должны забывать, что утопии убивают; а радикальные универалистские утопии, такие как национал-социализм, коммунизм, а также современные радикалы, поддерживающие международный терроризм, убивают беспощадно и повсеместно»^[5].

^[3] Michel Heller, «Утопия в советской идеологии», *Revue des etudes slaves* 56, вып. 1 (1984 г.): 105–13.

^[4] См. статью Гарри Морсона Границы жанра. Антиутопия, как пародийный жанр в В А Чаликова, ред., *Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы: Пер. с англ., нем., фр. и др. яз* (М.: Прогресс, 1991), 234.

Границы между утопиями и антиутопиями настолько тонки и прозрачны, что можно согласиться с Р. Черепановой, которая говорит, что: «Зеркально противоположные внешне, утопия и антиутопия внутренне едины, хотя в их дуумвирате антиутопия, пожалуй, является скорее производной и выступает как реакция»^[6].

Расцвет утопий, несомненно, приходится на эпоху Возрождения и Реформации, хотя первой утопией считается Платоновская Республика. Действительно, еще задолго до появления современной европейской цивилизации с ее разными моделями политического устройства, Платон гениально проанализировал особенности человеческого сознания и предложил, как ему казалось, идеальную модель общества. Это общество, строго разделенное на касты: низшая каста – обслуживающий персонал, средняя каста – военные и высшая каста, это философы. В этой «идеальной» республике плановая экономика, евгеника, практически полное уничтожение традиционной семьи и тоталитарный идеологический контроль.

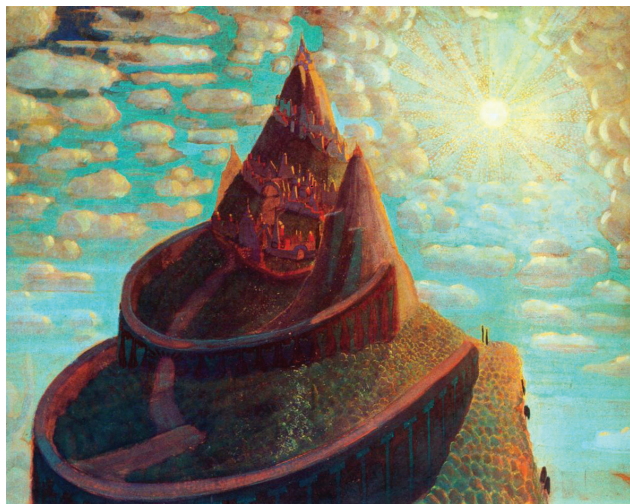
Эпоха Великих географических открытий заразила европейцев вирусом путешествий и приключений, поэтому не случайно Лорд-канцлер Англии, гуманист Томас Мор, служивший при дворе короля Генриха VIII и видевший все недостатки современной ему системы управления государством, создал свою модель идеального общества. Он поместил свой остров среди недавно открытых земель Нового Света и рекомендовал европейцам перенять этот тип управления и жизни.

Текст Компанеллы «Город Солнца» написан, как и большинство утопий того времени в форме диалога между Гостинником и неким Мореходом из Гenuи, который рассказывает о своем последнем кругосветном путешествии, во время которого он попал на Тапробану. Там, на экваторе, ему встретился отряд людей, который привел его в город Солнца. Далее, по просьбе слушателя, Мореход рассказывает об архитектуре Города, о его устройстве и жизни в нем. Подробно описывается географическое расположение и устройство Города Солнца.

Сам город расположен на высоком холме и устроен в виде семи кругов по числу известных тогда планет, имеет четверо ворот, по сторонам света и от них идут четыре главные дороги, сходящиеся к центру, где расположен грандиозный храм с алтарем. Поражает эстетика симметрии, совершенных форм и исчисляемости. Многие подробности и размеры в описании города и храма буквально совпадают с описаниями третьего Храма у Иезекииля и других ветхозаветных пророков, а также с картинами книги Откровения, особенно с образом Небесного Иерусалима. Удивляет только

^[5] Иегуда Бауэр, «Не только день памяти», *Программа просветительской деятельности "Холокост и ООН"* (blog), 21 октябрь 2020 г., <https://www.un.org/ru/holocaustremembrance/paper1.shtml>

^[6] Розалия Семеновна Черепанова, «Утопия и антиутопия: типология и взаимоотношения», *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*, вып. 1 (9) (1999 г.), 107.

Сказка о замке. Микалоюс Чюрлёнис, 1909 г.

и под каждой из них указаны в трех стихах ее название и силы, которыми влияет она на земные явления»^[7]. Таким образом Храм представляет собой модель космоса, которому, как кажется, никакой Бог вообще не нужен.

Это шаг значительно дальше того, что сделал Томас Мор в своей Утопии, который не исключал традиционные религии, но выступал за толерантность в современном смысле этого слова. В идеальном государстве Мора множество храмов и разных богов и каждый может поклоняться кому хочет. Единственное, чего утопийцы категорически не допускают — это атеизм. Неверующие лишаются всех наград и должностей, и им запрещается публично проповедовать свои взгляды. У Кампанеллы, при внешнем категорическом и строгом единобожии, Бог подразумевается, но реально отсутствует. Похоже, что Томмазо забыл строгое слово, сказанное на Синае через Моисея народу Израильскому: «дабы ты, взглянув на небо и увидев солнце, луну и звезды и все воинство небесное, не прельстился и не поклонился им и не служил им» (Вт. 4:19). Фактически, поклонение у фра Таммазо совершается небу, солнцу, луне и звездам.

Государственное устройство Города фактически представляет собой абсолютную теократическую монархию, при некоторой видимости демократии. «Верховный правитель у них — священник, именующийся на их языке "Солнце", на нашем же мы называли бы его Метафизиком. Он является главою всех и в светском и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение. При нем состоят три соправителя: Пон, Син и Мор, или по-нашему: Мощь, Мудрость и Любовь»^[8]. Главенство Метафизика проявляется абсолютно во всем. Он не только управляет военными делами и архитектурой, но и лично дает имена всем родившимся детям в соответствии с их особенностями. Похоже, что он

^[7] Томмазо Кампанелла, *Город солнца*, пер. Ф. Петровский (Москва-Ленинград: Академия наук СССР, 1947), 29-30.

^[8] Там же, 31.

то, что нигде нет даже намека на Единого Бога или на присутствие какого-либо бога вообще. Храм и алтарь предназначен для поклонения космосу и звездам. «На алтаре виден только один большой глобус с изображением всего неба и другой — с изображением земли. Затем на своде главного купола нанесены все звезды неба от первой до шестой величины,

хочет контролировать все сферы, но только непонятно, как у него на все хватает времени! Официально, этот священник-Солнце избирается всеми гражданами, но требования к избранию так высоки (универсальность знаний и подлинная мудрость), что обычно победитель известен заранее и единодушный результат выборов являются не более чем формальностью.

Создать столь централизованную систему возможно только одним путем — все тщательно распланировать, убрать личную свободу и индивидуальность, уровнять всех и сформировать всеобъемлющую систему контроля. В проекте Города Солнца Кампанелле это блестяще удалось. Именно поэтому его проект пользовался такой популярностью у всех советских вождей: К. Каутский считал его предтечей научного социализма, а В. Ленин не только читал Кампанеллу, но и рекомендовал А. Луначарскому строить пропаганду по его образцу.

Томмазо Кампанелла (1568 - 1639).

В идеальном, по мнению Кампанеллы, городе принципиально отсутствует всякая собственность, абсолютно все, даже калеки, работают, но все продукты труда и всё имущество коллективное: «Дома, спальни, кровати и все прочее необходимое у них общее. Но через каждые шесть месяцев начальники назначают, кому в каком круге спать и кому в первой спальне, кому во второй: каждая из них обозначается буквами на притолоке»^[9]. Такая ротация необходима прежде всего для обезличивания каждого солярия. Все питаются в общей столовой простой и полезной пищей, но начальники получают преимущественную порцию, все носят одинаковую одежду, которая стирается один раз в месяц и женщины во всем равны мужчинам, хотя и освобождены от тяжелых работ. Важно подчеркнуть, что никто из соляриев никогда не ходит в одиночку. Все передвигаются только группами или небольшими отрядами и есть специальные люди, которые обо всем доносят начальству. Больше всего, очевидно, поражает абсолютный коллективизм, полный запрет на личностность и индивидуальность.

Причиной всех бед Кампанелла считает собственность: «Тогда как община делает всех одновременно и богатыми, и вместе с тем бедными: богатыми — потому что у них есть все, бедными — потому что у них нет никакой собственности; и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им»^[10]. При этом уравниловка доходит до своего предела, когда в Городе практи-

^[9] Там же, 47.

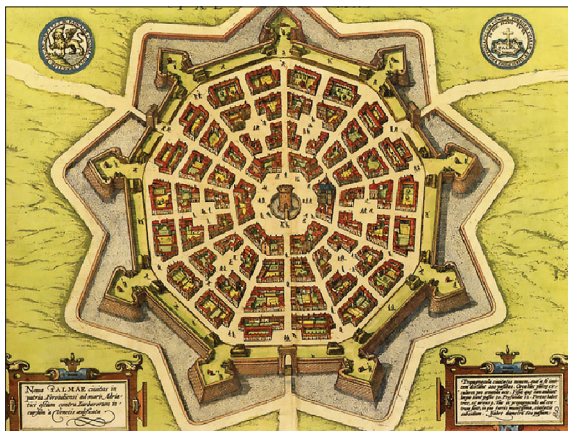
^[10] Там же, 62.

куется общность жен, государственное регулирование половых взаимоотношений и селекция будущего поколения. «Собственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен и детей. Отсюда возникает себялюбие, ибо ведь, чтобы добиться для своего сына богатства и почетного положения и оставить его наследником крупного состояния, каждый из нас или начинает грабить государство, ежели он ничего не боится, будучи богат и знатен, или же становится скрягю, предателем и лицемером, когда недостает ему могущества, состояния и знатности. Но когда мы отрешимся от себялюбия, у нас остается только любовь к общине»^[11]. Поэтому брак, как и в утопии Мора и многих других подобных сочинениях, является делом государственным, а индивидуальная любовь, как чувство, а не как выражение милосердия, просто запрещается. Все определяется только рациональностью и пользой государству, поэтому самые страшные преступления — это преступления против государства и против официального религиозного культа, а фактически против правителей этого государства.

Город Солнца абсолютно гармоничен, он удовлетворяет все материальные потребности людей, обеспечивает сытую, беспечную и беззаботную жизнь, при которой о каждом гражданине будет проявлена максимальная забота и обеспечен полный социальный пакет услуг, но почему-то жить в таком идеальном государстве не хочется. Конечно, найдутся люди, которые охотно променяют непредсказуемый, опасный и требующий самостоятельных решений реальный мир на утопический и сытый тоталитаризм. Кстати, сами солярии (и их авторы) считают свой мир наилучшим, и навязывают его модель окружающим народам. Однако, читая утопии XVI — XVII вв. и особенно Город Солнца, невольно вспоминаются антиутопии Оруэлла, Замятина и др. На первый взгляд трудно объяснить, почему авторы, предлагающие идеал, на самом деле предлагают его жуткую, зеркальную инверсию. Трудно представить, чтобы они, как и те, кто в XX в. реализовывал подобные проекты изначально хотели чего-то плохого. И проблема не в том, что утопии не теоцентричны и делаются по-человечески, без Бога. Некоторые, и, в частности, Город Солнца, радикально теоцентричны, хотя поклонение там воздается не живому Богу, а звездам и космосу. Можно вспомнить хилиастические утопии анабаптистов-радикалов Томаса Мюнцера и Иоанна Лейденского, которые реализовывали свои проекты ради славы Божьей, как будто имея пророчество от Духа Святого и руководствуясь только Библией^[12]. Но очевидно главная причина феномена перевертыша утопии в антиутопию в том, что любая рационалистическая модель утопии принципиально расходится с тем идеалом Царства, который созидает Бог.

Модель Царства Божьего, созданная людьми по их наилучшему представлению, совершенно не похожа на божественную, потому что в качестве управляющего принципа предполагает личную или коллективную власть

^[11] Там же, 37.

Идеальный город в представлении венецианского архитектора Винченцо Скамоцци (1552 - 1616)

только номера. В Царстве Небесном наоборот, каждая личность сохраняет свою индивидуальность и личную свободу, а единство достигается за счет перекрестических взаимоотношений любви, а не за счет Божественного насилия.

По мнению социолога Льюиса Мемфорда каждая земная утопия для того, чтобы создать рай на земле, предполагает превращение человеческого общества в Невидимую машину, состоящую из людей. Он пишет об этой машине: «ее компоненты, хотя и сотворенные из человеческой плоти, нервов и мускулов, были сведены к чисто механическим элементам и жестко стандартизованы для выполнения ограниченных задач. Плеть надсмотрщика обеспечивала покорность. Такие машины уже были построены — если не изобретены — царями в ранний период века пирамид, в конце четвертого тысячелетия»^[13]. Они повторяются во всех утопиях и антиутопиях и в их реализациях. Поэтому Сталин с гордостью назвал в 1945 г. советского человека «винтиком».

Утопии никогда не ставят в качестве цели счастье каждого отдельного человека и его жизнь в полноценной любви. Чаще всего на первое место выходят лозунги равенства, справедливости, гармонии и т.д. но никак не обычное счастье. Авторами утопий считается, что если человек сыт, не нуждается ни в чем материальном и занимается творческим трудом, то он обязательно будет счастливым. Однако человек — существо, требующее непредсказуемых экзистенциальных прорывов, он не мыслим без риска, без страданий и личной свободы, поэтому системы, которые лишают че-

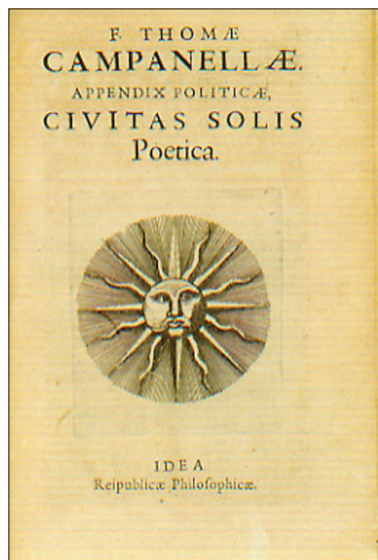
несовершенных человеческих существ, которые вынуждены для ее осуществления создать гигантскую мега-машину, составленную из покорных деталей. Т.е. сделать каждого члена общества частичкой механизма, который будет слаженно работать. А для этого надо отнять у каждого свободу, индивидуальность и личностность.

Не напрасно в антиутопии Евгения Замятина «Мы» люди не имеют даже имен, а

люди не имеют даже имен, а

^[12] В осажденном Мюнстере в 1534-35 гг. анабаптистами-хилиастами во главе с Яном Матисом и Иоанном Лейденским были уничтожены все книги кроме Библии и жизнь была построена только на библейских примерах, хотя и неправильно, буквально истолкованных. Но это не приблизило хилиастов к построению Царства Божьего на земле.

^[13] В А Чаликова, ред., *Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы: Пер. с англ., нем., фр. и др. яз* (М.: Прогресс, 1991), 87

Обложка первого издания утопии Т. Кампанеллы «Город Солнца».

личности в деталь гигантской машины и ему навязывают рай, в который большинство идти не желает.

Совершенно другой образ идеального мира предлагает Библия. Она не описывает будущую реальность, а указывает на настоящий идеальный мир, который неопишем человеческим языком и рациональными терминами. Именно поэтому в Библии нет описания Царства Небесного, а представлены только аллегории и поэтические образы. Бог никого не привлекает в это Царство идеальными картинками, но ждет добровольного и выстраданного экзистенциального прыжка веры, которая опирается на внутреннее решение и помощь Духа, а не на видение некоей утопии. Туда коллективно (вместе со всеми) и насильно не попадают. Прекрасной иллюстрацией этой истины в формате антиутопии стала небольшая сказка Евгения Замятина про глупого Ангела Дормидона, который приставлен был к мужику, чтобы в рай его доставить, а так как мужик добровольно в рай идти не хотел, то Дормидон его туда на аркане приволок. Но пока волок, арканом задавил. Так мертвого в рай и приволок^[15]. Утописты действуют аналогично. Они хотят всех осчастливить даже против их воли. Не случайно Николай Бердяев в первой половине XX в. предупреждал:

^[14] Розалия Семеновна Черепанова, «Утопия и антиутопия: типология и взаимоотношения», *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*, вып. 1 (9) (1999 г.), 97

^[15] Евгений Замятин, *Мы. Рассказы*, Библиотека всемирной литературы Эксмо (Эксмо, 2009).

^[16] Цит. по Michel Heller, «Утопия в советской идеологии», *Revue des etudes slaves* 56, вып. 1 (1984 г.): 113.

^[17] «Ауровиль: современная утопия на берегу Индийского океана», *indianochka.ru* (blog), 29 октябрь 2020 г., <http://indianochka.ru/travel/dostoprimechatelnosti/aurovil.html>.

ловека этих базовых характеристик, никогда не совпадут с идеальным Царством Божьим. Исследовательница утопий Розалия Черепанова пишет: «При всей ценности понятия счастья в человеческой мифосистеме утопия, прогнозируя свой идеальный мир, обходит его стороной. Ни Платон, ни Мор, ни Кампанелла, ни авторы техноутопий XX в. не задаются вопросом, счастливы ли подданные их государства. Счастье – не их категория. Более того, иногда индивидуальное человеческое счастье может стать вредным для интересов единого коллектива, каковым является население любой утопии, поэтому отношение к нему колеблется от нейтрального до негативно-го»^[14]. Именно поэтому мир любой утопии тоталитарен, что собственно превращает ее в антиутопию. Человек превращается из

«Утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления»^[16].

После Холокоста, сталинских лагерей и красных кхмеров привлекательность утопий значительно упала, хотя до сегодняшнего дня не прекращаются попытки создать идеальные сообщества. Например, при поддержке правительства Индии и ЮНЕСКО на берегу Индийского океана создан город Ауровиль (рассвет), который обильно финансируется и в котором реализованы многие принципы Города Солнца^[17]. Однако, несмотря на хорошее финансирование и прекрасные условия жизни из запланированных 50 тыс. населения в нем проживает чуть более 2 тыс., подавляющее большинство которых — окружающее местное население, нуждающееся в минимальном достатке. Безоблачная жизнь на полном обеспечении оказывается не так привлекательна, как это казалось Н.К. Рериху и философу Шри Ауробиндо.

Церковь Христова не строит никаких утопий, но имеет идеал — Царство Небесное. В нем провозглашается не формальное равенство, а истинное единство. В нем нет рабства, но все рабы друг другу и Принц Вселенной умывает ноги рыбакам, там главенствует не эгоистическое «каждому по потребности», а каждый отдает всего себя, всю свою любовь ближнему и получает ее обратно в стократ. Принципы этого Царства на земле кажутся абсурдными. Действительно, как можно в ответ на удар подставить другую щеку? Как можно любить врага или умереть, чтобы воскреснуть? С земной перспективы — это утопично, но сила Царства в том, что оно меняет каждого своего гражданина прежде, чем вводит его в сообщество святых. Иисус до определенного времени не обещал устройства Царства Божьего на земле в качестве видимой организации или государственного сообщества, а говорил о расширении территории Царства в сердцах людей. «Не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть». (Лк. 17:21) Влияние этого Царства на окружающее общество неоспоримо, и оно должно возрастать, но его видимая реализация ожидается только при полном обновлении земли и Вселенной. Там исчезнет идеал утопии за ненадобностью и ее зеркальная тень — антиутопия.

Библиография

- Замятин, Евгений. *Мы. Рассказы*. Библиотека всемирной литературы Эксмо. (Эксмо, 2009).
- Кампанелла, Томмазо. *Город солнца*. Переведено Ф. Петровский. Москва-Ленинград: Академия наук СССР, 1947.
- Чаликова, В.А., ред. *Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы: Пер. с англ., нем., фр. и др. яз.* М.: Прогресс, 1991.
- Черепанова, Розалия Семеновна. «Утопия и антиутопия: типология и взаимоотношения». *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*, вып. 1 (9) (1999 г.).
- Штекли, А.Э. «Кошмары Города Солнца: тирания общности или всевластие науки?» *Культура Возрождения и власть*. — М.: Наука, 1999 г., 84–94.
- Heller, Michel. «Утопия в советской идеологии». *Revue des etudes slaves* 56, вып. 1 (1984 г.): 105–13.